

ОБРАЗЫ ПОЛКОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Аннотация. В условиях антропологического поворота в отечественной историографии заметно возрастает научный интерес к этосу «человека 1812 года». Одним из главных трансляторов военных норм и предписаний в российской армии является боевой священник. В статье анализируется образ полкового священника, который представляют нам источники личного происхождения. Проводится анализ образов полковых священников на примере биографических сведений о Е.С. Левитском, В.Я. Сицилинском и др. Выявлены как героические, так и сентиментальные образы полковых священников. По результатам исследования выявлено, что односторонность положительных описаний образов полковых священников продиктована актуализированными концепциями священной войны, борьбы с «безбожниками» и политикой памяти, которую проводила клерикально-монархическая элита страны.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., военное духовенство, образ священника, Русская православная церковь.

В отечественной историографии Отечественная война 1812 г. в последнее время стала востребованной в поле философских исследований. Этот научный интерес актуализирован существованием в современном мире новых форм конфликтов и угроз. Для исследователей является важным не только нравственная обоснованность вступления в войну (*jus ad bellum*), но и этические нормы ведения войны (*jus in bello*) в истории российской армии. Указанные этические нормы особенны тем, что они являются своего рода основаниями для такой формы тотального насилия, как война¹. Во время военных действий эти нормы неоднократно подвергаются сомнению и переосмысливаются. Таким образом, данные предписания являются очень подвижными и конституируются различными субъектами конфликта в зависимости от положения дел на войне и отношения к ней.

В случае с российской армией в Отечественную войну одним из субъектов указанных норм и предписаний являлся институт военного духовенства. В Отечественную войну полковые священники транслировали и санкционировали те идеи, нормы и представления о войне, которые необходимы для поддержки боевых единиц российской армии. Данные нормы были фундированы в православной культуре и идеологии Российской империи.

Поскольку предметом нашего исследования являются источники личного происхождения (мемуары, дневники и др.), то нами учитывается тот факт, что нами изучаются образы полковых священников, которые моделировались в зависимости от обстоятельств, биографий авторов и литературных направлений. В этих образах репрезентировалась патриотическая идеология Российской империи. Каким было эмоциональное восприятие полковых священников в российской армии? Какие взаимодействия с боевыми священниками освещались в воспоминаниях тех лет? Совокупность этих вопросов позволяет нам обрисовать контуры исследования идеологического образа полкового священнослужителя.

В отечественной историографии существует несколько работ, посвященных исследованию взаимодействия российской армии и священнослужителей. В первую

* **ЛАТЫШЕВ Дмитрий Михайлович** — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Уральский гуманитарный институт; департамент философии; кафедра онтологии и теории познания; аспирант; г. Екатеринбург, Россия; dimlatysh@gmail.com.

¹ Sommier I. Terrorism as total violence? // International Social Science Journal. 2002. Vol. 54. Pp. 473–481.

очередь, это диссертационное исследование Л.В. Мельниковой, посвященное вопросам взаимодействия православного духовенства в российской армии в период Отечественной войны 1812 г.¹ В данном исследовании есть несколько биографических описаний боевых священников, но такой исследовательский сюжет, как анализ образа полкового священника, в работе отсутствует. Аналогично в работе С.Н. Хомченко² проводится подробная историко-географическая атрибуция сюжетов из дневника Е.С. Левитского, но образ самого полкового священника не проанализирован.

В данной работе анализируется образ полкового священника Отечественной войны 1812 г. Образ священнослужителя, как показывает историография, главным образом складывается из эмоционального восприятия и практик, в которых он участвует³. Под эмоциональным восприятием, согласно В. Аксенову, боевого священника подразумеваются различные фобии, оценки, умонастроения и отношение к войне. Эмоциональное восприятие может формировать положительный, отрицательный и нейтральный образ священника. В практиках раскрываются культовые действия, взаимодействия внутри самого института боевого духовенства и взаимодействия с боевыми частями.

Основными источниками нашего исследования являются источники личного происхождения (мемуары, эпистолярное наследие и другие источники). Среди такого рода источников по данному периоду особо стоит отметить недавно опубликованный дневник полкового священника Евфимия Степановича Левитского из 41-го Егерского полка⁴.

По результатам исторического исследования Л.В. Мельниковой известно, что институт военного духовенства возникает в российской армии во время правления Петра I⁵. Создание этого института было укоренено в таких законодательных актах, как Воинский (1716 г.) и Морской (1720 г.) устав. Военному священнослужителю предписывалось отправлять культ, проводить беседы (примером такого рода бесед является «Сборник кратких христианских поучений к воинам»⁶, составленный протоиереем Г.П. Мансветовым) и оказывать поддержку больным. Военное духовенство сухопутных войск вначале не было отделено от епархиального. В военное время, при постоянном передвижении войск, для надзора за полковыми священнослужителями назначался полевой обер-священник. По Воинскому уставу 1716 г. полевой обер-священник полагался при фельдмаршале или генерале. Предоставленные ему права касались функций управления и суда над всеми подведомственными священниками. По данным Л.В. Мельниковой, указом Павла I от 4 апреля 1800 г. должность полевого обер-священника была сделана постоянной: ему вверялось постоянное главенство (в административном и судебном отношениях) над всеми военными клириками не только в военное, но и в мирное время. Как указывает историк, Высочайшими указами, данными Святейшему Синоду в 1803 и 1806 гг., было расширено право законного участия обер-священника в деле определения священнослужителей в полки, а также в назначении им пенсий и наград. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 г. были введены дополнительные должности корпусных

¹ Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 г. и Русская православная церковь: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

² Хомченко С.Н. Смоленск и смоленская губерния в первой четверти XIX в. в дневнике священника Е.С. Левитского // Известия Смоленского гос. ун-та. 2019. № 1 (45). С. 331–347.

³ Аксенов В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 272–303.

⁴ Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского. М., 2015.

⁵ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 34.

⁶ Мансветов Г.П. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. СПб., 1828.

священников, пользовавшихся правами полевых обер-священников действующих армий и, так же как и последние, подотчетных обер-священнику армии и флота¹. Таким образом, к началу Отечественной войны была создана развернутая штатная структура института военного духовенства, которая позволяла Русской православной церкви реализовывать поддержку боевых единиц армии на всех уровнях и проводить масштабную идеологическую работу в рядах войск.

Численность священников в боевых единицах Российской армии была небольшой, а число походных церквей доходило до 50 единиц². Например, в ведомости Санкт-Петербургского ополчения на 15 дружин отправляют культ всего два священнослужителя и два причетника с ними. В Новгородском ополчении был выделен всего один священник на бригаду ополчения³.

Эмоциональное восприятие полковых священников в идеологическом плане было связано с идеей «священной войны»⁴. «Священность войны» дополнялась также концепцией противостояния русского благочестия французскому «безбожию», где военные священники являлись главными «участниками» священной войны. Однако важно отметить, что среди писем солдат Великой армии столь эмоционального восприятия военного духовенства противника, как указывает Н.В. Промыслов, не наблюдается⁵. При этом свидетельства недостойного отношения воинов Великой армии к невоенным священнослужителям зафиксированы в воспоминаниях современников и очевидцев⁶. Согласно исследованиям М. Губиной, в 1812 г. французам пришлось «осознать глубокое различие между их собственным менталитетом и системой ценностей русских»⁷. Это значит, что эмоциональное восприятие полковых священнослужителей российской армии в основном формировалось на нашем фронте. Разность в эмоциональном отношении к боевым священникам играет важную роль в интерпретации их образа.

В воспоминаниях Д.В. Душенкевича полковые священники наделены сразу же эпическими, героическими чертами. В повествовании о них преобладает положительное эмоциональное отношение к священнослужителям, но не зафиксированы их практики⁸.

Рассмотрим примеры практик взаимодействия с полковыми клириками на фронте. Из имеющихся биографических свидетельств приведем те, где образ полкового священника наиболее детализирован. В данном случае являются релевантными биографии таких полковых священников, как Е.С. Левитский, В. Васильковский и В.Я. Сицилинский.

Нейтральные образы полковых священников

Описание образа полкового священника Е.С. Левитского основано на его дневнике, который был приобретен Государственным Бородинским военно-историческим музеем-

¹ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 36.

² Вујас Е. L' Armee Russe: son histoire, son organization actuelle. Paris, Limoges: Henry Charles-Lavauzelle, 1894. P. 78.

³ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.

⁴ Мельник З. «За веру против антихриста»: православная церковь и духовенство в Отечественной войне 1812 г. (критические заметки на полях книг Л. Мельниковой) // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 71–77; Федоров В. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917). М., 2003.

⁵ Промыслов Н.В. Представления о России в письмах участников похода Великой армии 1812 г. // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 44–53.

⁶ Харузин Е.А. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы. 1872 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1995.

⁷ Губина М.В. Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1821) // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. М., 2012. С. 252–264.

⁸ Душенкевич Д.В. «Из моих воспоминаний то 1812 года до <1815 года>. 1838 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1995. С. 105–135.

заповедником из частной коллекции в 2011 г. Данный дневник ценен непубличной информацией, подробным описанием быта военного духовенства, чего мы не увидим в других биографических описаниях.

По сведениям С.Н. Хомченко, 10 августа 1812 г. Е.С. Левитский прибыл в Дорогобуж, где подал прошение о принятии в армейское духовенство обер-священнику А.Т. Таранецкому, но сам город к этому времени был взят неприятелем. 12 августа 1812 г. он получил документы о «прикомандовании в 41 егерский полк» для отправления культа¹.

В своем кратком сообщении о боевом крещении образ полкового священника обозначен в экзистенциальном русле: он олицетворяет собой боеспособность, мощь российской армии. Тот факт, что Е.С. Левитский выжил на поле боя, показывается как пример мужественности и отваги. Показательно, что в данном фрагменте не прослеживается концепция священной войны и идеологического противопоставления «христоролюбивого воинства» французским «безбожникам».

Также военное духовенство совершало молебны о победе (викториальные молебны)². Полковой священник, пребывая в Варшаве, не сообщает нам никаких сведений о каких-либо религиозных конфликтах или притеснениях со стороны православной церкви по отношению к католикам или униатам, в то время как это происходило на Правобережной Украине³. Помимо викториальных молебнов полковые священники проводили молебствия о мире с Францией. Не представляется проясненным момент, насколько такого рода культовая практика была распространенной в российской армии в годы Отечественной войны?

Важной частью повседневной жизни военных священнослужителей в российской армии было участие в церковных парадах⁴. В одном из церковных парадов была справлена литургия по случаю выдающегося сражения при Вертю. Посредством данного описания Е.С. Левитский приобщает себя к значимым событиям Отечественной войны, указывает на сопричастность к выдающимся деятелям эпохи (Александр I, Франц I Габсбург и др.). По окончании войны боевые священники исповедовали боевые части российской армии. Дальнейшие боевые достижения священника Е.С. Левитского сводились к наградам за «усердную и ревностную» службу. Несмотря на то, что эмоциональное восприятие образа выражено слабо, оно заметно дополнено практиками, в которых участвовал священнослужитель. В описаниях практик полковой священнослужитель выражен в качестве «фронтowego труженика», «усердного священнослужителя». Идеологический контекст в данном образе выражен минимально, в дневнике не встречается каких-либо упоминаний о «священной» войне с «безбожниками».

Героические образы полковых клириков

Также представляет интерес и один из наиболее проработанных сюжетов истории Отечественной войны 1812 г. – сражения 19-го Егерского полка под Витебском и Малоярославцем с боевым священником В. Васильковским. Описания этого полкового священника во многом почерпнуты историком А.А. Смирновым из архивных источников, популярных изданий и брошюр. Популярный характер источников наложил свои отпечатки на моделирование героического образа этого полкового священника.

Как указывает А.А. Смирнов, 14 июля сражение продолжил арьергард 1-й армии у селения Какувечина близ Витебска, но вынужден был отойти к д. Добрейка, расположенной в 8 верстах от Витебска. 15 июля состав арьергарда был изменен. Наряду с

¹ Дневник полкового священника... С. 20.

² Там же. С. 34.

³ Стоколос Н. Уніатська Церква у контексті трансформацій на Правобережній Україні під владою Російської імперії // Український історичний журнал. Київ, 2002. № 4. С. 94–110.

⁴ Дневник полкового священника... С. 66–67.

другими частями в него вошел и 19-й Егерский полк под командованием полковника Н.В. Вуича, где исправлял требы о. Василий¹.

По ходатайству начдива П.Г. Лихачева полковой священник Васильковский был представлен к награждению «камилавкой», как знаком отличия белого духовенства».

Следующий подвиг полкового священника В. Васильковского описан в личной корреспонденции генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова к М.И. Голенищеву-Кутузову, где подробно описана практика священнослужителя в поддержке боевого духа солдат и исповедования тяжелораненых бойцов. Именно в поддержке боевого духа солдат, согласно корреспонденции, и возникает положительное восприятие образа военного священника. Это положительное восприятие служит основой для дальнейших «героических» описаний действия В. Васильковского.

По оценке историка А.А. Смирнова, это был первый в истории ордена и православного духовенства случай награждения военного священника орденом Святого Георгия. 17 марта 1813 г. орден был вручен отцу Василию².

В данном описании полковой священник Василий Васильковский предстает в героическом образе. В биографических описаниях преимущественно представлены его действия на фронте (поддержка солдат, исповедование раненых и др.). Не даны описания практик взаимодействия с военным духовенством вне поля боя (как например, в дневнике Е.С. Левитского присутствуют описания церковных парадов). Во многом такой героический образ боевого священника, как отмечает Е. Приказчикова, являются частью литературно-эстетических направлений эпохи – сентиментализма и классицизма³. В случае с образом В. Васильковского, рисуемого военачальниками, наиболее ярко репрезентируется «идеалистическая» идеология в описании образа: «неустрашимый боевой священник» и «благородный защитник Отечества», при этом особого акцента на «священную» войну с «безбожниками» не наблюдается.

В мемуарах аббата иезуита А. Сюрюга встречается описание полкового священника гвардейской кавалерии М. Гратинского, который решил возобновить отправление культа во вражеском стане⁴. Данное биографическое описание представляет научный интерес тем, что полковой священник был в плену, и его образ раскрылся в других исторических условиях, полных противоречий между идеологией и действительным положением дел.

Особенно показательно противоречие между идеологией «священной» войны, распространяемое в среде военного духовенства, и поведением коменданта площади. Комендант площади разрешил полковому священнику отправлять культ, тем самым было нивелировано противоречие, связанное с идеологией войны. Со стороны противника это означало, что для Великой армии война не воспринималась как «священная», на оккупированных территориях реализовывалась секулярная модель государственно-конфессиональных отношений, которые на деле способствовали патриотическому подъему умонастроений среди населения.

Важно заметить, что аббатом прорисован патриотический образ священнослужителя, который стремится сохранить паству и церковь, при этом какие-либо героические сюжеты исключены из описания. Эмоциональное восприятие

¹ Смирнов А.А. Герой малоярославецкого сражения (отец Василий Васильковский) // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции: Сб. ст. Малоярославец, 2000. С. 21–27.

² Там же.

³ Приказчикова Е.Е. Изображение человека в военной мемуаристике наполеоновской эпохи: литературно-эстетическая традиция и искушение «правдой голого факта» // «И вечной памятью двенадцатого года...»: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию Отеч. войны 1812 г. (г. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г.) / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург, 2013. С. 107–120.

⁴ Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R.P. Libercier. M., [1909]. P. 43.

священнослужителя можно охарактеризовать как нейтральное, из практик наиболее хорошо описано отправление культа. Эти детали дополняют образ полкового священника как человека, который стремится сохранить приход и культурную идентичность. Идеологические концепции, которые были распространены в среде военного духовенства, были преодолены секулярной моделью, и, впоследствии, нивелированы.

Сентиментальные образы полковых священников

О боевом священнике Василии Яковлевиче Сицилинском нам известно из воспоминаний в газете «Странник»¹ и из очерков о лейб-гвардии Финляндского полка. Данные воспоминания об Отечественной войне достаточно эмоциональны, сентиментальны и в некоторой степени отражают умонастроения того времени. В.Я. Сицилинский является сыном полкового священника Якова Сицилинского, также участвовавшего в Отечественной войне 1812 г. Получив в 1811 г. назначение в Новгородский кирасирский полк, он вскоре принял участие в Отечественной войне. Со своим кирасирским полком Сицилинский участвовал в сражениях под Смоленском, при Бородино, под Красным. Молодой священник вскоре заслужил расположение и доверие полкового начальства. Первый период войны, когда русская армия отступала к Москве, Сицилинский называл временем «ужасным»². В 1814 г. указом Святейшего Синода Василий Сицилинский был переведен в лейб-гвардии Финляндский полк. 19 марта 1814 г., при взятии Монмартрских предместий Парижа, а затем и самой французской столицы, Сицилинский шел впереди своего полка с иконой в руках, взятой у полковника П.С. Ушакова. За Отечественную войну 1812 г. и заграничные походы Сицилинский был награжден камилавкой³.

Образ этого боевого священника больше наполнен эмоциональным восприятием, нежели сведениями о практиках. В словах боевого священника слышно сострадание к судьбе Отечества, доходящее до «натуралистических» описаний. В этом описании образа полкового священника отчетливо видна сентиментальная стилистика, которую использует автор для описания своих умонастроений и действий.

Таким образом, по имеющимся источникам можно восстановить положительные и нейтральные образы полкового священника в годы Отечественной войны. При этом важно отметить, что сведения о полковых священниках в заграничных походах весьма немногочисленны, и этот исследовательский сюжет слабо разработан.

Полученный образ боевого священника основывается на положительных оценках их деятельности и, как показывает анализ, выражается в классицистических описаниях их подвигов на поле боя. Указанные источники личного происхождения не свидетельствуют нам о каких-либо конфликтах в боевых частях и не показывают нам примеры отрицательных образов боевых священников. Среди биографических сведений о приведенных боевых священников можно встретить как образы героических боевых священников (например, В. Васильковский), сентиментальных (В.Я. Сицилинский), так и более нейтральные образы боевых священников, чьи заслуги представлены в «усердной службе» (Е.С. Левитский). Важно отметить, что героический образ полкового клирика В. Васильковского имеет большую идеологическую нагрузку по сравнению с другими образами, поскольку он дошел до нас в популярной литературе.

В плане практик наиболее распространены сюжеты идеологического воздействия на боевые единицы (крестное шествие, поддержка солдат), менее известны взаимодействия с полковыми клириками внутри института военного духовенства.

¹ Свиткин И. Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском // Странник. 1863. Т. 3. Вып. 7. С. 29–61.

² Там же.

³ История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906. СПб., 1906. Кн. 2. С. 94.

Фрагментарные сведения об этих практиках представлены в описаниях церковных парадов и побатальонных исповеданий в дневнике Е.С. Левитского.

Определенная односторонность описания боевых священников на фронте Отечественной войны с одной стороны продиктована политикой памяти по отношению к восприятию событий Отечественной войны (только положительные образы), а с другой стороны обусловлена тем, что она вписана в идеалистическую концепцию «священной войны». Как показывают биографические описания и формулярные списки, такого рода описания действий боевых священников являлись своеобразным портфолио, по которым представители армейского духовенства попадали на более высокие должности. Данная односторонность описаний в некоторой степени препятствует более точному описанию образа боевого священника в годы Отечественной войны 1812 г.

Источники и литература

1. «Записки московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года» // 1812 год в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М.: Наука, 1995. С. 49–55.
2. Vujac E. L' Armee Russe: son histoire, son organization actuelle. Paris, Limoges: Henry Charles-Lavauzelle, 1894. 430 p.
3. Sommier I. Terrorism as total violence? // International Social Science Journal. 2002. Vol. 54. Pp. 473–481.
4. Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R.P. Libercier. Paris, [1909]. 72 p.
5. Аксенов В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 272–303.
6. Губина М.В. Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1821) // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 252–264.
7. Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского. М.: Русский раритет, 2015. 232 с.
8. Душенкевич Д.В. «Из моих воспоминаний то 1812 года до <1815 года>. 1838 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М.: Наука, 1995. С. 105–135.
9. Земцов В.Н. Отечественная война 1812 г.: 200 лет поиска истины // «И вечной памятью двенадцатого года...»: Мат-ы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. (г. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г.) / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 175–187.
10. История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906. СПб., 1906. Кн. 2. 501 с.
11. Мансветов Г.П. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. СПб., 1828. 160 с.
12. Мельник З. «За веру против антихриста»: православная церковь и духовенство в Отечественной войне 1812 г. (критические заметки на полях книг Л. Мельниковой) // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 71–77.
13. Мельник З. Л.В. Мельникова. Армия и православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн // Наукові записки Українського католицького університету. Сер. Історія. Ч. 2. Вип. 1. Львів, 2010. С. 337–344.
14. Мельникова Л. В. Отечественная война 1812 г. и Русская православная церковь. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 202 с.
15. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 547 с.
16. Приказчикова Е.Е. Изображение человека в военной мемуаристике наполеоновской эпохи: литературно-эстетическая традиция и искушение «правдой голого факта» // «И вечной памятью двенадцатого года...»: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. (г. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г.) / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 107–120.
17. Промыслов Н.В. Представления о России в письмах участников похода Великой армии 1812 г. // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 44–53.

18. Свиткин И. Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском // Странник. 1863. Т. 3. Вып. 7. С. 29–61.
19. Смирнов А.А. Герой малоярославецкого сражения (отец Василий Васильковский) // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции: Сб. ст. Малоярославец, 2000. С. 21–27.
20. Стоколос Н. Уніатська Церква у контексті трансформацій на Правобережній Україні під владою Російської імперії // Український історичний журнал. Київ, 2002. № 4. С. 94–110.
21. Федоров В. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917). М.: Наука, 2003. 485 с.
22. Харузин Е.А. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы. 1872 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М.: Наука, 1995. С. 163–169.
23. Хомченко С.Н. Смоленск и смоленская губерния в первой четверти XIX в. в дневнике священника Е.С. Левитского // Известия Смоленского гос. ун-та. 2019. № 1 (45). С. 331–347.